

Можайский В. Живая жизнь. Новая эпоха церковно-общественной жизни // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 6/7.
С. 123–135 (1-я пагин.). (Начало.)

С. А. Муравьева и Н. А. Гусева постановили оставить на будущій 1917—1918 учебный годъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ. Кромѣ того, соглашаясь съ письменнымъ мотивированнымъ предложеніемъ проф. И. В. Попова, напелъ возможнымъ оставить еще на одинъ годъ профессорскихъ стипендіатовъ выпуска минувшаго 1916 года — Е. Я. Кобранова и Б. И. Иванова.

Избраніями въ предсоборный совѣтъ проф. И. В. Попова и С. С. Глаголева, на Всероссийскій Съѣздъ духовенства и мірянъ—О. М. Россейкина, прот. Д. В. Рождественскаго и архим. Иларіона, а также 6 делегатовъ отъ академіи на чрезвычайный Епархіальный съѣздъ для избранія архипастыря Московской Церкви учебный годъ официально закончился. Академія скоро опустѣла.

И. В.

II. Новая эпоха церковно-общественной жизни.

Революція и Церковь. Паденіе епископскаго самодержавія. Епархіальные исполнительные комитеты. Чрезвычайные епархіальные съѣзды клира и мірянъ. Удаленіе ими ряда епископовъ. Учрежденіе епархіальныхъ совѣтовъ. Преобразование всего епархіальнаго управленія. Введеніе выборнаго начала при замѣщеніи епископскихъ кафедръ и всѣхъ церковныхъ должностей. Ускоренный роспускъ зимней сессіи Св. Синода, возглавляемой митрополитомъ Владиміромъ, и образованіе новой подъ предсѣдательствомъ архіепископа Платона. Подготовка къ Помѣстному Собору. Всероссийскій съѣздъ духовенства и мірянъ въ Москвѣ. Проектъ церковныхъ реформъ. Предсоборный совѣтъ. Наканунъ открытія Помѣстнаго Собора.

Великая русская революція, разбивъ вѣковыя цѣпи царскаго самодержавія, могучимъ порывомъ освободила одновременно двухъ задыхавшихся въ нихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій великихъ узниковъ—*Государство* и *Церковь*... Наконецъ, осуществилась завѣтная мечта всѣхъ лучшихъ сыновъ Государства и Церкви, мечта, за которую они жертвовали своею жизнью и своимъ личнымъ благомъ, но которую самодовольные холопы и тюремщики стараго режима въ Государствѣ и Церкви до самаго послѣдняго момента цинично называли „безсмысленною“. Вѣчная память и благодарность всѣмъ благороднымъ борцамъ за политическую и церковную свободу и несмыаемый двойной позоръ тѣмъ, кто въ рясахъ

служителей Церкви и отрекшихся отъ міра иноковъ по неразумію или тупости сердца и мысли опорочилъ свой священный санъ столь несоотвѣтствующей ихъ званію и недостойной ролью гонителей и палачей борцовъ за свободу, отвратительной ролью охранниковъ самодержавнаго деспотизма. Цѣпи пали, и два великихъ узника—Государство и Церковь—пынѣ свободны и должны свободно строить свою жизнь. Двѣ неразрывныя задачи тотчасъ же выступили передъ ними: скованные вѣками въ своемъ собственномъ домѣ, они должны, съ одной стороны, выбросить здѣсь все то, что создано старымъ тюремщикомъ исключительно въ цѣляхъ стѣсненія свободы и, съ другой, внести то, чего не доставало для полноты свободного развитія жизни. Эти двѣ задачи—разрушительная и созидательная по самому существу своему требуютъ осуществленія одновременнаго и параллельнаго. И та и другая задача заключаютъ въ себѣ двѣ гибельныхъ опасности для такихъ вѣковыхъ, отвыкшихъ отъ нормальной жизни, узниковъ—какъ Государство и Церковь: съ одной стороны, привыкши вѣками вездѣ въ собственномъ домѣ видѣть приспособленія и орудія для стѣсненія свободы, легко принять за такія приспособленія и то, что служитъ для крѣпости самого дома и разрушеніе чего грозитъ неминуемой гибелью его; съ другой стороны, отвыкши отъ искусства самостоятельнаго устроенія роднаго дома и своей жизни въ немъ и отъ привычки правильно разбираться въ наличныхъ реальныхъ условіяхъ и средствахъ этого устроенія, можно легко уклониться въ сторону плановъ, практически неосуществимыхъ, диктуемыхъ оторванной отъ условій дѣйствительности пылкой мечтой воображенія. Пять мѣсяцевъ, протекшіе послѣ переворота, показали, къ сожалѣнію, что Государству въ осуществленіи указанныхъ задачъ не удалось сохранить чувство мѣры: оно рѣшительно уклонилось въ сторону этихъ крайностей и, къ великому ужасу, оказывается на краю гибели, изъ которой пѣтъ спасенія иначе какъ въ рѣшительномъ и твердомъ поворотѣ настроенія господствующихъ общественныхъ теченій на путь благоразумія, дисциплины и самопожертвованія.

Судьба Церкви оказалась въ иномъ положеніи. Ставъ на путь осуществленія тѣхъ же двухъ параллельныхъ задачъ—разрушительной и созидательной,—Церковь дѣлаетъ это зна-

чительно медленно, гораздо менее рѣшительно и послѣдовательно, чѣмъ Государство, но зато и съ несравненно меньшимъ уклономъ въ сторону связанныхъ съ этими задачами гибельныхъ крайностей.

Революція въ государственномъ строѣ, свергшая царское самодержавіе, имѣла своимъ неизбѣжнымъ и немедленнымъ послѣдствіемъ революцію и въ церковномъ строѣ. Со сверженіемъ царскаго самодержавія неизбѣжно должно было пасть созданное этимъ самодержавіемъ, еще въ Византіи, по своему образу и подобию *самодержавіе епископское*. Это мертвящее начало церковной жизни, вѣками разѣдавшее весь строй церковный сверху до низу и превратившее его въ почти сухой скелетъ бюрократической канцелярщины, держалось, какъ для многихъ давно уже было ясно, исключительно на принудительной силѣ штыковъ царскаго самодержавія, которому оно служило органомъ закрѣпощенія церковнаго народа; и съ паденіемъ царскаго самодержавія епископское самодержавіе оказалось не только лишеннымъ единственной опоры своего бытія, но и политически нетерпимымъ. Немедленно же почти во всѣхъ епархіяхъ образовались своего рода революціонные органы—исполнительные епархіальные комитеты изъ духовенства и мірянъ, которые, во имя воли церковнаго клира и народа епархіи, установили контроль надъ всѣми административными актами епархіальныхъ епископовъ, налагая рѣшительное veto на всѣ распоряженія, несогласныя съ требованіями времени. Наиболѣе крайніе представители епископскаго абсолютизма попытались было вступить въ борьбу съ этими комитетами, но это имѣло результатомъ лишь болѣе негодование церковнаго клира и народа. Затѣмъ, по инициативѣ комитетовъ, были созданы правомочные органы голоса и воли церковнаго клира и народа—чрезвычайные епархіальные съѣзды изъ представителей клира и мірянъ. Эти съѣзды вездѣ единодушно положили конецъ епископскому самодержавію. Наиболѣе яркіе представители и поборники епископскаго и царскаго самодержавія, по большей части, были объявлены лишенными довѣрія и своихъ кафедръ: таковы—Алексѣй, архіепископъ Владимірскій, Серафимъ Тверской, Димитрій Рязанскій, Василій Черниговскій, Іоакимъ Нижегородскій, Палладій Саратовскій; одновременно принуждены были выйти въ отставку

архіепископъ харьковскій Антоній, митрополитъ петроградскій Питиримъ, и, впавій въ дѣтство, митрополитъ Московскій Макарій. Во всѣхъ почти епархіяхъ епархіальные съѣзды ограничили епископскую власть особыми „*епархіальными совѣтами*“ изъ избранныхъ съѣздами представителей клира и мірянъ, безъ согласія конхъ епископы лишены были права совершать какіе-либо официальные административные акты. Въ связи съ этимъ каждый епархіальный съѣздъ вырабатываетъ свой планъ преобразованія всего, доселѣ бюрократическаго, строя церковнаго управленія, основныя положенія котораго неотложно вводятся въ практику. Такъ, прежде всего вводится выборный порядокъ замѣненія всѣхъ духовныхъ и особенно духовно-административныхъ должностей, начиная съ епископской кафедръ, продолжая членами консисторій и всѣхъ центральныхъ епархіальныхъ учреждений, затѣмъ благочинными, и кончалъ приходскимъ духовенствомъ. И соотвѣтственно этому часть вакантныхъ епископскихъ кафедръ во главѣ съ Московскою и Петроградскою уже замѣнены въ порядкѣ свободнаго избранія тайнымъ голосованіемъ представителей клира и мірянъ епархіи на чрезвычайныхъ епархіальныхъ съѣздахъ; въ большинствѣ епархій произведены перевыборы всѣхъ должностныхъ лицъ и прежде всего членовъ консисторіи и благочинныхъ. Съ другой стороны, епархіальными съѣздами вводится коллегіально-представительное начало на всѣхъ ступеняхъ церковнаго управленія: по благочиніямъ учреждены благочинническіе совѣты изъ выборныхъ представителей клира и мірянъ, по приходамъ—приходскіе совѣты тоже изъ клира и представителей мірянъ, а также приходскія общія собранія,—и такимъ путемъ уничтожается, вслѣдъ за епископскимъ самодержавіемъ, утвердившееся по его образу и подобію самодержавіе благочинническое и самодержавіе настоятельское съ ихъ необходимою принадлежностью—консисторскимъ взяточничествомъ и бездушнымъ начальственнымъ формализмомъ. Всѣми этими реформами сразу осуществлено было въ жизни все то, чего въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ въ самой робкой формѣ и скромной мѣрѣ добивались лучшіе церковные люди предъ царскимъ и епископскимъ самодержавіемъ и что большинству носителей этого самодержавія представлялось такимъ страшнымъ жу-

пеломъ, потрясеніемъ, подрывомъ основъ вѣры, тогда какъ это было только устраненіемъ епископскаго самовластія. На Предсоборномъ Совѣщаніи 1906 года сколько усилій, сколько энергіи, научной эрудиціи положило прогрессивное меньшинство, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ академическихъ профессоровъ, чтобы убѣдить наиболѣе вліятельныхъ тогда представителей епископата добровольно поступиться хоть небольшою долею своихъ самодержавныхъ привиллегій въ пользу клира и церковнаго народа! Но напрасны были всѣ мольбы, вѣрнѣе сказать, стоить этихъ поборниковъ церковной свободы: отвѣтомъ на нихъ со стороны правящаго епископата было лишь еще болѣе торжественное и увѣренное въ непоколебимости охраняемаго государственной властью положенія вещей провозглашеніе епископскаго самодержавія неизблемымъ началомъ церковной жизни, а въ отношеніи академическихъ профессоровъ, осмѣлившихся думать и высказываться иначе,—тенденціозная ревизія и удаленіе съ профессорскихъ кафедръ за „неблагонадежность“. Приходила ли тогда этимъ владыкамъ церкви хотя бы случайно мысль о возможности, что черезъ какія-нибудь десять лѣтъ жизнь сотретъ ихъ самодержавіе, и идеалы гонимаго ими, якобы нецерковнаго, меньшинства восторжествуютъ въ полной мѣрѣ? Протоколы Предсоборнаго Совѣщанія, которые теперь весьма поучительно перечитать всякому церковно-общественному дѣятелю, какъ самый неоспоримый и полный обвинительный документъ всему старому церковному режиму съ его главнѣйшими представителями, съ его клерикальными идеалами, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наиболѣе вліятельные представители епископской власти, твердо увѣренные въ поддержкѣ со стороны царскаго самодержавія, этой возможности совершенно не допускали.—По исторической случайности одинъ изъ такихъ наиболѣе крайнихъ носителей и поборниковъ царскаго и епископскаго самодержавія митрополитъ Кіевскій Владиміръ оказался въ великій моментъ революціи на самомъ отвѣтственномъ посту церковнаго управленія — первоприсутствующимъ членомъ очередной зимней сессіи Св. Синода, и это повидимому едва не повело къ церковной анархіи. Дѣло въ томъ, что всѣ указанныя реформы, при всей радикальности, были проводимы по епархіямъ въ общемъ мирно, безъ особыхъ потре-

сеніи церковной епархіальной жизни и безъ всякаго ущерба вѣрѣ. Но для установленія всѣхъ реформъ на нормальный путь, нужно было ихъ санкціонировать со стороны высшей церковной власти—Св. Синода: иначе нѣкоторые епархіальные съѣзды грозили даже отложеніемъ отъ Синода; между тѣмъ руководимая митрополитомъ Владиміромъ зимняя сессія Св. Синода оказалась естественно не дѣеспособной для такой задачи. Это заставило оберъ-прокурора Св. Синода В. Н. Львова, какъ единственнаго мірскаго представителя въ Синодѣ интересовъ церковнаго народа и члена Временнаго Правительства, ходатайствовать предъ Правительствомъ объ ускореніи времени роспуска зимней сессіи Св. Синода и назначеніи, согласно дѣйствующимъ законамъ и порядкамъ, на лѣтнюю сессію новаго состава Синода, что и было Правительствомъ одобрено. Всѣ обстоятельства этого акта пока еще не выяснились, но самъ оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ далъ весьма поучительную картину того, противостоительнаго, положенія дѣлъ, что въ періодъ революціоннаго переустроенія политической и церковной жизни на началахъ свободы во главѣ центрального правительственнаго органа Церкви оказался самый крайній поборникъ царскаго и епископскаго самодержавія. „Тлетворныя вліянія, заявилъ оберъ-прокуроръ, гангренировали Церковь. Не было никакихъ учреждений, соответствующихъ духу времени: очевидно, что нужно было прибѣгнуть къ героическимъ усиліямъ и властною рукою подавить все, что противорѣчило свободѣ Церкви. Нужно было дѣйствовать быстро и сильно; иначе, такъ какъ значительная часть епископата была заражена, являлась опасность столкновенія Церкви съ епископатомъ. Но хотя прежній Св. Синодъ, какъ извѣстно, былъ составленъ темными силами, я не хотѣлъ было вмѣшиваться въ его дѣятельность. Моимъ стремленіемъ было даровать свободу Церкви, и не мнѣ, конечно, было бы втыкать палки въ колеса, если бы Св. Синодъ всталъ на новый путь. Но, къ величайшему сожалѣнію, Св. Синодъ всталъ на иную точку зрѣнія. Онъ рѣшилъ, что къ нему перешла теперь вся полнота власти, и, пользуясь этимъ, онъ можетъ еще болѣе усилить свою власть. Тогда я понялъ, что Св. Синодъ, при прежнемъ его составѣ, не можетъ идти впередъ. Мало того: когда я предпринялъ нѣкоторыя мѣры

къ тому, чтобы освободить Церковь отъ этихъ гангренозныхъ пятенъ, которыя покрывали ея тѣло, я опять встрѣтилъ противодѣйствіе Св. Синода. „Кто намъ поручится, что вы и насъ не удалите?“—говорили мнѣ члены Синода. Такое отождествленіе членовъ Св. Синода съ тѣми лицами, которыя нетерпимы были въ составѣ правящей іерархіи, было полнымъ крушеніемъ прежняго Св. Синода... Вотъ началось въ Церкви движеніе къ новой жизни; нужно было всячески содѣйствовать этому, но могъ ли это сдѣлать прежній Св. Синодъ? И какъ долженъ былъ поступить въ этомъ случаѣ оберъ-прокуроръ: устранился и ждать, что будетъ, или, наоборотъ, пойти этому движенію навстрѣчу и распахнуть для него, какъ можно шире, дверь? Сомнѣній быть не могло: очевидно, нужно было избрать второй путь и заставить идти по нему и Св. Синодъ. Меня обвиняютъ, что я ничего не дѣлаю. Но я все время боролся и всѣ силы направилъ къ тому, чтобы появившееся движеніе пошло по правильному руслу; не будь этого, могла бы начаться анархія, Церковь могла бы отдѣлиться отъ епископата. Ничего другого, очевидно, не оставалось, какъ распустить прежній Св. Синодъ и составить новый. И я, дѣйствительно, выдвинулъ этотъ вопросъ предъ Временнымъ Правительствомъ, заявивъ, что иначе я вынужденъ буду выйти въ отставку. Мои усилія увѣнчались успѣхомъ, и жизнь въ Церкви забила ключомъ. Тверской епархіальный съѣздъ постановилъ было отдѣлиться отъ Св. Синода; но, когда онъ узналъ о новомъ составѣ Св. Синода, все это движеніе прекратилось само собой“.

Эти объясненія Оберъ-Прокуроръ далъ въ общемъ собраніи Всероссийскаго съѣзда духовенства и мірянъ, и послѣдовавшіе за ними здѣсь по адресу Оберъ-Прокурора апплодисменты подавляющаго большинства собранія съ троекратнымъ пѣніемъ „Многая лѣта“, съ очевидностью, засвидѣтельствовали, что церковный клиръ и народъ въ подавляющемъ большинствѣ одобряетъ общее направленіе дѣятельности Оберъ-Прокурора, проявившееся съ этомъ его актѣ роспуска зимней сессіи Синода.

Разумѣется, что въ эпоху революціи Св. Синодъ, руководимый митрополитомъ Владиміромъ, былъ и съ церковно-общественной и государственной точекъ зрѣнія столь же страннымъ и не пріемлемымъ явленіемъ, какъ и правитель-

ство во главѣ съ Горемыкинымъ, Столыпинымъ и тому подобными дѣятелями стараго режима. Это сознавали прекрасно всѣ, кто былъ вполнѣ въ курсѣ церковныхъ дѣлъ недавняго прошлаго. Было даже крайне удивительно, что революціонное правительство могло терпѣть это въ продолженіе цѣлыхъ полутора мѣсяца. Съ формально-юридической стороны роспускъ зимней сессіи Синода и созывъ новой, лѣтней, представляетъ изъ себя, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ государственныхъ законовъ и порядковъ, пока эти законы и порядки не отмѣнены государственнымъ законодательствомъ или не отвергнуты Помѣстнымъ Церковнымъ Соборомъ, столь обыденный актъ государственной верховной власти, что Оберъ-Прокурору нѣтъ никакой нужды оправдываться въ немъ.

Но по существу дѣла роспускъ зимней сессіи, возглавляемой митрополитомъ Владиміромъ, былъ актомъ историческаго значенія: это означало, что церковная революція, начавшаяся снизу—съ епархіальныхъ общинъ, постепенно дошла до самыхъ верховъ церковной жизни, до центрального церковнаго правительства, и принудила низвергнуть старое царское епископально-самодержавное правительство и поставить на его мѣсто новое, соотвѣтственно волѣ церковнаго клира и народа епархій. Созванный правительствомъ новый составъ лѣтней сессіи Синода, въ который вошли въ качествѣ первоприсутствующаго одинъ изъ прогрессивныхъ іерарховъ, экзархъ Грузіи Платонъ, а въ число членовъ Андрей еп. Уфимскій, а также четыре протоіерея (трое совершенно опредѣленнаго прогрессивнаго направленія), санкціонировали особыми временными правилами уже введенныя фактически по епархіямъ церковныя реформы, и даже самъ по собственному почину попытался сдѣлать нѣкоторые шаги впередъ въ области реформъ.

Въ сущности говоря, Св. Синодъ новаго состава это—своего рода временное революціонное правительство Церкви, дѣйствующее во имя воли церковнаго клира и народа. Созданіе этого временнаго церковнаго правительства—безусловная и громадная историческая заслуга Оберъ-Прокурора, запугиваемаго съ разныхъ сторонъ клерикально-церковными людьми мыслью о якобы неканоничности его дѣйствій. Несомнѣнно, Оберъ-Прокуроръ обнаружилъ въ этомъ вопросѣ

какъ и во многихъ другихъ, не мало колебаній, и въ силу этого въ его дѣйствіяхъ было не мало странныхъ противорѣчій и непослѣдовательности, но во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ ему удалось найти въ себѣ силы противостоять этимъ залугиваніямъ. Вѣдь, прежде всего, совершенно странно-даже и говорить о каноничности или неканоничности въ отношеніи къ такому не предусмотрѣнному никакими канонами государственно-церковному учрежденію, какъ Синодъ. Еще болѣе странно слышать протесты на неканоничность дѣйствующаго и вполнѣ сохраняемаго Временнымъ Правительствомъ стараго порядка дѣятельности Синода со стороны тѣхъ, которые не только совершенно безропотно признавали его десятки лѣтъ до революціи, но сами охотно дѣйствовали по этому порядку. Наконецъ, не говоря уже о необходимости строгаго различія буквы и духа канонѳвъ и правильнаго пониманія этого духа, требовать въ атмосферѣ церковной революціи строгаго соблюденія канонѳвъ, такъ же по существу дѣла певозможно, какъ въ атмосферѣ политической революціи—полной законѳрности. Намъ извѣстно, что старый составъ Синода, разбѣзжаясь, заявилъ Правительству требованіе, чтобы новый составъ Синода былъ образованъ на „каноническихъ“ началахъ: по избранію епископами—епископовъ и клириками—клириковъ по телеграфу или записками. Но это требованіе исходило изъ ложнаго представленія, будто принципъ избранія, какъ бы онъ ни былъ примѣненъ, самъ по себѣ, придастъ каноничность всякому учрежденію. Прежде всего, избирать членѳвъ высшаго церковнаго правительства прямымъ голосованіемъ съ мѣсть такъ же странно и недопустимо, съ точки зрѣнія церковнаго права и цѣлесообразности, какъ и избраніе такимъ же путемъ всего состава высшаго государственнаго правительства—всего кабинета министровъ—съ точки зрѣнія государственнаго. Канонически конструировать составъ высшаго церковнаго правительства правомоченъ единственно только Помѣстный Соборъ, въ которомъ избирающими и избираемыми являются не только епископы съ клиромъ, но и весь церковный народъ въ лицѣ своихъ представителей.

Та конструкторія высшаго церковнаго правительства, которая введена Петромъ Великимъ и развита его преемниками, безусловно не канонична, но и та конструкторія, ко-

торую предлагалъ старый Синодъ, была бы столь же неканонична; разница между ними была лишь въ томъ, что одна конструкція есть та, которая опредѣляется дѣйствующимъ и неотмѣненнымъ закономъ и порядкомъ, а другая, предложенная старымъ Синодомъ, была бы совершенно новымъ, въ сущности революціоннымъ актомъ со стороны Временнаго Правительства въ области церковнаго управленія, отъ чего Временное Правительство доселѣ явно уклоняется. Но революціонный формально, этотъ актъ несомнѣнно былъ бы по существу контръ-революціоннымъ и въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ. Недавно произведенные въ подобномъ порядкѣ выборы епископами своихъ представителей въ Предсоборный Совѣтъ показали совершенно неоспоримо, куда склоняются симпатіи русскаго епископата: въ числѣ избранныхъ оказался снова митрополитъ Владиміръ, который, въ случаѣ осуществленія предложеннаго старымъ Синодомъ акта, и оказался бы снова во главѣ Синода; бѣлое духовенство, разумѣется, избрало бы лицъ совершенно противоположнаго направленія, и въ результатѣ создалась бы упорная борьба въ Синодѣ между епископскою и пресвитерскою его половинами, которая затормозила бы самымъ рѣшительнымъ образомъ все это церковное обновленіе, а можетъ быть, и привела бы къ церковной анархіи,—предвѣстникъ реформаціи. Что у оберъ-прокурора, въ сознаніи всей грядущей для церкви опасности, хватило рѣшимости устоять предъ соблазномъ „каноничности“ и добиться образованія новаго состава Синода, хотя и по старому порядку, но болѣе или менѣе однороднаго и соответствующаго революціонному моменту, въ этомъ, повторяемъ еще разъ,—чрезвычайная заслуга В. Н. Львова, какъ революціоннаго церковно-общественнаго дѣятеля, искушающая многія его противорѣчія и промахи.

Вполнѣ сознавая себя какъ только временное церковное правительство, Св. Синодъ настоящаго состава озаботился принятіемъ всѣхъ подготовительныхъ мѣръ къ неотложному созыву того законодательнаго церковнаго органа, который единственно правоспособенъ создать канонически-законную постоянную высшую церковно-правительственную власть—Помѣстнаго Собора Русской Церкви.

Самыми существенными изъ этихъ подготовительныхъ мѣръ являются: созывъ „Всероссійскаго съѣзда духовенства

и міряць“ въ Москвѣ и затѣмъ образованіе „Предсоборнаго Совѣта“ въ Петроградѣ.

Инициатива Всероссійскаго съѣзда духовенства и мірянъ принадлежитъ маститому предсѣдателю объединеннаго духовенства и мірянъ въ Москвѣ протоіерею Н. В. Цвѣткову; и фактически и оффиціально онъ былъ созванъ „Московскимъ исполнительнымъ комитетомъ объединеннаго духовенства и мірянъ“; по своимъ широкимъ и быстрымъ осуществленіемъ идея всероссійскаго съѣзда обязана всецѣло той энергіи, съ какою она была поддержана Св. Синодомъ настоящаго состава.

Всероссійскій съѣздъ духовенства и мірянъ, это, съ одной стороны,—естественное завершеніе и увѣнчаніе работъ всѣхъ епархіальныхъ съѣздовъ по обновленію Церкви, а съ другой это уже—прототипъ, и даже, какъ бы первый, хотя и предварительный, вводный актъ самого Помѣстнаго Собора. Въѣдъ, по своему составу и структурѣ, этотъ съѣздъ отличался отъ будущаго Собора только отсутствіемъ полнаго представительства епископата, а по количеству членовъ съѣздъ превышалъ предполагаемый составъ Собора болѣе чѣмъ вдвое: всѣхъ членовъ перваго было болѣе 1268, а втораго предполагается всего 600.

Результаты работъ этого съѣзда въ видѣ протоколовъ и резолюцій общихъ собраній съѣзда въ настоящее время опубликованы старшимъ секретаремъ съѣзда доцентомъ В. П. Виноградовымъ во Всероссійскомъ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ; поэтому здѣсь мы отмѣтимъ лишь наиболѣе существенныя стороны дѣятельности съѣзда, съ попыткой указать ихъ сравнительную цѣнность.

Самый знаменательный и величественный моментъ перваго засѣданія съѣзда утромъ 1 іюня былъ несомнѣнно тотъ, когда по предложенію съѣзда первоприсутствующій членъ Синода настоящаго состава, архіепископъ Платонъ, провозгласилъ вѣчную память и прочелъ молитву объ упокоеніи „всѣхъ за свободу родины животь своей положившихъ“. Это было въ сущности актомъ всенароднаго покаянія наличныхъ высшихъ представителей церковной власти за тѣ грозныя прещенія и даже гоненія, которымъ она въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ до самаго послѣдняго момента подвергала всѣхъ этихъ „за свободу родины“ животь своей

полагавшихъ, и которыми она отшатнула отъ Церкви великое множество искренне-религіозныхъ, но непоколебимыхъ и честныхъ борцовъ и страдальцевъ за свободу родного народа. И нужно очень пожалѣть, что это искаженіе не было затѣмъ выражено и резолютивно въ той „декларациіи объ отношеніи къ переживаемому моменту“, которая составляла предметъ обсужденія въ продолженіе двухъ первыхъ дѣловыхъ пленарныхъ собраній сѣзда утромъ и вечеромъ 2 іюня. Это несомнѣнный существеннѣйшій дефектъ деклараціи. Опредѣляя свое отношеніе къ переживаемому революціонному моменту, сѣздъ долженъ былъ прежде всего открыто и прямо осудить то ученіе о якобы „божественномъ“ происхожденіи царскаго самодержавія на Руси, которое отъ имени Церкви вѣками публично, въ проповѣдяхъ съ церковнаго амвона, преподавалось, официально предписывалось и всѣми мѣрами утверждалось носителями церковной власти, какъ богооткровенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленно выразить осужденіе всѣмъ тѣмъ паличнымъ представителямъ церковной власти, которые въ эпоху реакціи послѣ 1906 года особенно активно пропагандировали это ученіе и подвергали гоненіямъ не принимавшихъ его подчиненныхъ имъ лицъ; отъ всѣхъ этихъ носителей церковной власти должно было потребовать публичнаго отреченія отъ ложнаго ученія и покаянія какъ въ этомъ искаженіи церковнаго вѣроученія, такъ и въ незаконныхъ насильственныхъ актахъ преслѣдованія противниковъ такого искаженія. Это было исторически-обязательнымъ, вполнѣ опредѣленнымъ и яркимъ выраженіемъ отношенія православнаго церковнаго народа къ современному моменту: съ одной стороны, новое государство должно получить публичное засвидѣтельствованіе и словомъ и дѣломъ, что настоящій православный церковный народъ рѣшительно отрицается отъ того якобы церковнаго ученія, которое отождествляло православіе съ самодержавіемъ, и во имя котораго провозглашалось церковное осужденіе благороднымъ проповѣдникамъ и борцамъ народной свободы, а съ другой—виновные въ искаженіи чистоты церковнаго вѣроученія, не только не исполнявшіе своего пастырскаго долга охранять эту чистоту, но и насильственными мѣрами въ отношеніи подчиненныхъ имъ лицъ утверждавшіе искаженіе церковнаго вѣроученія—должны понести должное